

УДК 070(09)

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-31-42

Военная публицистика В.С. Гроссмана на страницах газеты «Красная звезда» (март 1942 г.)

Юрий Г. Бит-Юнан

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации,

Москва, Россия, bityunan@gmail.com

Аннотация. В статье изучаются публицистические и художественные аспекты журналистских материалов В.С. Гроссмана о бойцах Красной армии. Также анализируется характер интерпретации репортажного материала в военной прозе автора – романах «За правое дело» и «Жизнь и судьба».

Ключевые слова: В.С. Гроссман, публицистика, советская журналистика, советская пресса, «Красная звезда», «За правое дело», «Жизнь и судьба»

Для цитирования: Бит-Юнан Ю.Г. Военная публицистика В.С. Гроссмана на страницах газеты «Красная звезда» (март 1942 г.) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 10. С. 31–42. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-31-42

V. Grossman's war reports in the "Krasnaya zvezda" newspaper (March 1942)

Yurii G. Bit-Yunan

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

Russian Presidential Academy of National Economy

and Public Administration, Moscow, Russia,

bityunan@gmail.com

Abstract. The article focuses on the propagandistic and artistic features of V' Grossman's reports about Red Army soldiers. The researcher analyzes the nature of the interpretation of the reportage material in the author's war prose – novels "For a Just Cause" and "Life and Destiny".

© Бит-Юнан Ю.Г., 2021

Keywords: V. Grossman, propaganda, war journalism, Soviet press, “Krasnaya zvezda”, “Stalingrad”, “Life and Fate”

For citation: Bit-Yunan, Yu.G. (2021), “V. Grossman’s war reports in the ‘Krasnaya zvezda’ newspaper (March 1942)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 31–42, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-31-42

Военная публицистика В.С. Гроссмана (1905–1964) изучается давно. Первая академическая работа была выполнена советским литературоведом А.Г. Бочаровым [Бочаров 1970, с. 100–177]. В 1970-х гг. печатались воспоминания о фронтовом корреспонденте Гроссмане. Характеризовались в них и его очерки¹.

В конце 1980-х гг., когда в СССР были изданы роман «Жизнь и судьба» и повесть «Все течет...», возродился интерес и к его журналистике военного периода. Бочаров посвятил ей две главы во второй монографии «Василий Гроссман. Жизнь, творчество, судьба» [Бочаров 1990, с. 104–160]. Н.Г. Елина, израильский биограф Гроссмана, изучала язык и композицию его фронтовых публикаций [Елина 1994, с. 50–81]. Британский историк Ф. Эллис, автор первой иноязычной монографии о Гроссмане «Василий Гроссман. Происхождение и эволюция русского еретика» (“Vasiliy Grossman. The Genesis and Evolution of a Russian Heretic”), подробно комментировал фронтовые очерки Гроссмана, уделяя первостепенное внимание их географии [Ellis 1994, p. 27–148]. О работе Гроссмана в качестве военного репортера писали Д. и К. Гаррард, создатели первой фундированной англоязычной биографии Гроссмана «Кости Бердичева. Жизнь и судьба Василия Гроссмана» (“The Bones of Berdichev. Life and Fate of Vasiliy Grossman”) [Garrard, Garrard, p. 135–194]. Годы, проведенные на фронте, оцениваются как рубежные в двух последних биографиях Гроссмана, выполненных швейцарским историком М. Анисимов [Anissimov 2012] и канадским литературоведом А. Попофф [Poroff 2019, p. 105–183].

Однако наиболее полный анализ военных очерков и записных книжек Гроссмана представлен в монографии британского эксперта по Сталинградской битве Э. Бивора «Писатель на войне» (“Writer

¹ См., напр.: Некрасов В.П. Вас. Гроссман // Некрасов В.П. В жизни и письмах. Рассказы с постскриптами. М.: Сов. писатель, 1971. С. 149–155; Левин Ю.А. Строки о друзьях // Урал. 1973. № 5. С. 129–141; Ортенберг Д.И. В те памятные годы... // Литературная газета. 1973. 21 фев.; Он же. Время не властно. М.: Сов. писатель, 1979. С. 313–328.

at War”) [Beevor 2006] и в кандидатской диссертации В. Бирючина «Художественная функция документа в диалогии В.С. Гроссмана “Жизнь и судьба”» [Бирючин 2016].

В то же время указанные работы – ценность которых несомненна – опираются на тот перечень гроссмановских очерков и репортажей, который был составлен самим автором при подготовке сборника «Годы войны»². Но при таком подходе не выдерживается принцип историчности репрезентативности. Гроссман работал в «Красной звезде» около четырех лет с августа 1941 г. За это время он написал несколько десятков очерков и репортажей – и большая часть из них остается вне поля зрения исследователей.

Цель данной статьи – восстановить эту лакуну. А именно – охарактеризовать ранее не изучавшиеся газетные публикации 1942 г. и определить специфику интерпретации изложенных в них событий, сопоставив военную публицистику с позднейшей художественной прозой Гроссмана.

* * *

Первый репортаж Гроссмана за 1942 г. был напечатан «Красной звездой» 7 марта. Это история простого красноармейца Ивана Канаева, озаглавленная бодро – «Бывалый боец»³.

Начало материала синтаксически и лексически напоминает зачин к художественному произведению: «Было это 3 июля 1941 года. Вечером пришел он с работы и перед ужином вышел во двор наколоть дров».

Затем Гроссман рассказывает, как легко и споро работает Канаев: «Большие рабочие руки его заносили топор высоко над головой, вязкое, суковатое полено от сильного, быстрого удара охало и расплзалось».

В этот момент, однако, приходит председатель колхоза: «Эй, Канаев, ты дома, что ли?». Протягивая колхознику повестку, председатель говорит лишь: «Вот тут распишись», – а затем желает «побить врага и здоровым домой вернуться». Канаев на это отвечает:

– ...побить врага это я сам знаю, а вот у меня дома жена беременная, да стариков двое, да ребята. Понял ты, председатель?

– Понял, – сказал председатель.

– Ладно, верю. Ну, поспрашаем.

² См.: Гроссман В.С. Годы войны: очерки и рассказы. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1945.

³ Здесь и далее цит.: Гроссман В.С. Бывалый боец // Красная звезда. 1942. 7 марта.

Разговор ведется по-мужски – кратко и по делу. Так у читателя не останется сомнений, что председатель действительно все «поял» – семья Канаева нуждаться не будет.

Войны Канаев не боится. Будто и не жалеет, что повестку на этот раз принесли уже ему. Единственное, что его заботит, – не успел нарубить дров для семьи.

Родные встречают известие слезами – иначе нельзя. Одна лишь дочь Канаева гордо заявляет: «Фашистов папая бить идет». А вечером к Канаеву приходят соседи: «Хорошо проводили его. Пели песни, даже старики подтягивали: “Одна возлюбленная пара всю ночь сидела до утра”».

Утро следующего дня выдалось особенно ярким и теплым. Канаев лобуетя родными просторами и думает о своей молодости. Однако Гроссман приводит эти сцены не для создания элегического настроения, а для обоснования нравственного суждения: «Большое сердце у русского человека, много добра в нем, много любви в этом сердце – и к близким своим, и к друзьям, и к земле своей, и к нелегкому труду».

В армии Канаев быстро осваивается и находит новых друзей:

Здесь нашел он друзей по боевым делам, здесь снискал он себе общую любовь и уважение, здесь стал он опытным бойцом, спокойным, мужественным, суровым и добрым одновременно. Здесь раскрыл он богатство своей чистой души – русский солдат, человек высочайшей и строгой морали. Здесь вступил он в партию.

А значит, растет и политическая сознательность русского человека.

Далее актуализируются семейные аналогии. После своего первого боя, когда он, полубезумный, подбежал к политруку и крикнул ему:

«Товарищ политрук, давайте биться до конца!» – он долго не может заснуть. А через какое-то время, привыкнув к своим товарищам, начинает осознавать, что «люди, связанные с ним великим общим делом кровью, так же близки ему, как друзья детства, товарищи по работе, как родные братья».

Следующий сюжетный ход – рассказ о подвиге. Пытаясь взять в плен немца, Канаев получает ранение в руку. Немца приходится убить. Затем пора бы позаботиться о себе, наложить повязку. Однако тут Канаев замечает, что «мальчишке деревенскому попало шальной пулей». Вид раненого мальчика, конечно, напоминает Ка-

наеву о его собственных детях, поэтому он «затратил на него бинт из своего пакета, плечо славно перевязал, а из самого кровь бежит». Сам он так и не осознал, что значил его поступок – и чего ему могла стоить его доброта.

Прошло чуть более полугода – и вот перед нами бывалый боец. Канаев «превратился в роте как бы в учителя, советчика», в его речах звучала «суровая боевая опытность». Подобно старому охотнику, делящемуся с новичком премудростями выслеживания зайца, Канаев рассуждает о том, что «в наступление лучше всего идти утречком пораньше», потому что «темненько еще, все его точки видать». Когда же займешь село, уже светает, а «в селе при свете легче – не путаешься, все ходы разбираешь». Так же деловито Василий Теркин у А.Т. Твардовского толковал о сабантуе⁴.

Вскоре Канаев получает от жены добрую весть: «Сын родился». Далее супруга пишет: «А председатель часто заходит к нам и живем мы хорошо, от колхоза большую помощь имеем. За нас не беспокойся». А значит, жизнь в тылу идет. И председатель слово сдержал.

Заключение было предсказуемо бравурным:

Шагает красноармеец Иван Канаев, старый солдат войны за свободу. Много пройдено километров. Сурово и спокойно лицо Ивана. <...> Долгую ночь пролежал он в снегу у Петрищева под страшным немецким огнем, а потом встал и сказал спокойно: «Поднимайся, ребята, смелого пуля не берет». И повел роту в атаку.

Двадцать первого марта 1942 г. «Красная звезда» напечатала репортаж «Семеро отважных». Он был посвящен советским военным летчикам⁵.

Гроссман обходится без долгих зачинов и рассуждений о ходе военных действий. Репортаж открывается объявлением информационного повода: «Семь наших летчиков вступили в бой с 25 немецкими самолетами»⁶. Далее автор характеризует героев. Мы узнаем фамилию каждого из них, а также подробности их военного опыта. Однако наиболее интересны особенности их внешности, которые подмечает репортер. Так, у Мартынова – «выпуклые синие глаза зоркой птицы» – именно он «первый заметил вражеские ма-

⁴ См.: *Твардовский А.Т.* На привале. (Василий Теркин. Книга про бойца) // Твардовский А.Т. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1959. С. 201–207.

⁵ См.: *Гроссман В.* Семеро отважных // Красная звезда. 1942. 21 марта.

⁶ Здесь и далее цит.: То же.

шины над темным зимним лесом и показал крыльями “вижу противника”». Безусловно, здесь речь идет об условном знаке «вижу врага», однако портретная характеристика, которую Гроссман дает Мартынову, уподобляет летчика птице, оберегающей свое гнездо.

Капитан Запругаев охарактеризован как «бронзоволицый». О Седове, самом крепком и высоком из семерки, и вовсе сказано, что с него «можно лепить статую летчика-штурмовика», поскольку он «плечистый, с крепкой, точно каменной, шеей». Он, командир и душа летного взвода, «врезался на истребителе в шестерку немецких бомбардировщиков, стреляя из всех своих пулеметов, пушки, выбрасывая снаряды». На немецкое крыло это навело такой ужас, что они «не выпустили по Седову ни одной очереди со своих бомбардировщиков».

Вряд ли все было именно так, как описано у Гроссмана. Немецкие летчики были хорошо обучены. С другой стороны, и Седов представлен в этой публикации не как простой летчик – он настоящий богатырь.

Гроссман при этом акцентирует, что семеро отважных – отнюдь не братья-близнецы. У каждого – своя внешность и своя судьба. И все же «всех их связывают великая общность, подлинное братство. Все они в прошлом рабочие». Все они родом из мирной жизни, однако ее уроки им пригодились на войне: «Все они пришли в авиацию с производства и учились когда-то в аэроклубах». Учились успешно. Шесть из них не только окончили летные курсы, но и стали инструкторами. «Может быть и седьмой, старший сержант Король, стал бы инструктором, но он окончил школу во время войны и сразу же пошел на фронт».

Затем Гроссман подробно характеризует военный опыт летчиков. У них было несколько месяцев, чтобы изучить возможности и повадки врага. Пилоты «знают его психологию и мораль», они «знают, на какой высоте любят “Юнкерсы” ходить на бомбежку, знают, как строятся ударными группами “Мессеры”» и т. п. Однако еще важнее то, что нацисты лишены тех качеств характера, которыми наделены советские воины. Герои очерка «знают боязнь немцев перед лобовой атакой, их страх перед честным поединком, их неумение драться на горизонтали и на крутых виражах», а также «их тактику “клюнуть сзади простачка”, вцепиться зубами в раненого и бежать от сильного, их слабое товарищеское чувство, которое не выдерживает первого крепкого удара».

В то же время Гроссман пытается выдерживать баланс между логикой и идеологией. Он предусмотрительно отмечает, что семерка знает и «сильные стороны немецких летчиков и машин». Но для этого пришлось пройти «жестокую школу войны».

И наконец – описание боя. «В 13.00 все семь еще лежали на нарах в землянке командного пункта полка. Было жарко от железной печки, сухая солома казалась очень приятной наощупь», но уже через 15 минут «семь “Яков” побежали в клубах светящейся снеговой пыли по широкому полевому аэродрому». Вскоре друзья замечают противника – «черные точки» напомнили им «облачко комаров, выходящих над болотом». Безусловно, такое уничижительное сравнение употреблено неслучайно. Еще более уничижительным оно становится при сопоставлении с образами советских пилотов, которые уподоблены хищной птице или живому изваянию. Когда противники приближались к линии фронта, на них «пошел Седов, один против шести!».

Далее репортер передает слово самому Седову:

Гляжу, – рассказывает Седов, – они уже над нашим войском, сейчас будут бомбить нашу пехоту. Дал полный газ и в лоб пошел. Их ведущий на меня тоже в лоб, ну, думаю, и взрыв сейчас будет! Не трогаю самолета, а сам выгнулся. Метрах в 20 он не выдержал, прыгнул в сторону, просвистел мимо. Я тут открыл весь свой огонь, прямым попаданием снаряда взорвал второго. Ох, и чувство это!

Затем похожую историю рассказывает Мартынов. Здесь, правда, основное событие – спасение сержанта Короля.

Заключение звучит эмоционально и высокопарно:

15 минут длился бой. 15 минут, когда любовь к своим братьям горела ярче солнца, а горькая ненависть к врагу могучей силой томила сердце и мозг. Эти 15 минут прошли – 18 фашистских машин бежали. 5 «Мессеров» и 2 «Юнкерса» кострами догорали на снежном поле. Семь смелых летчиков победили!

Впрочем, здесь история Канаева и семи летчиков только начинается – заканчивается она в художественных текстах Гроссмана.

* * *

С Иваном Канаевым мы встречаемся в романе «За правое дело», впервые напечатанном журналом «Новый мир» в 1952 г. Его теперь зовут Петром Вавиловым. Именно повествованием о нем открывается каждое издание романа: «Петру Семеновичу Вавилову принесли повестку»⁷. Приносит ее, правда, не председатель кол-

⁷ Здесь и далее цит.: *Гроссман В.С.* За правое дело // Новый мир. 1952. № 7. С. 3–9.

хоза, а бывшая одноклассница его дочери Насти. Сама Настя менее оптимистична, чем дочь Канаева. Правда, она и старше: Насте уже 16 лет, она много работает в колхозе, ее хвалят. На честно заработанные деньги она покупает «платье, ботинки и суконный красный беретик, казавшийся ей очень нарядным». Услышав от отца печальное «Вот, дочка, и мое время пришло», она серьезно отвечает: «Вы о нас с мамой не беспокойтесь. Мы работать будем. Только бы вы здоровый вернулись». Роль веселого и радостного домочадца отдана младшему сыну – Ване. Мальчик с утра до ночи босыми ногами топчет по избе и льнет к отцу. Услышав от кого-то из домашних, что отца призывают в армию, он подбегает к Вавилову и спрашивает: «Папаня, правда ты завтра на войну идешь?» Характерно, что здесь и обращение к отцу – «папаня», как в репортаже.

Остаток дня Вавилов занимается именно тем, что не успел сделать Канаев: латает избу, ремонтирует инструменты и рубит дрова. Работа затянулась до ночи. Жена Вавилова даже просит его остановиться – как ни трудись, «на всю войну все равно не напасешь». Вавилов с улыбкой отвечает: «Ладно, придем с Алексеем с войны, еще дров тебе наколем». Алексей – старший сын, призван на фронт летом 1941 г.

Пышных проводов никто не устраивает и песен не поет. Вместо этого Вавилов всю ночь разговаривает с женой, любителю спящими детьми. Утром он уходит. Жена смотрит ему вслед,

Но он не оглянулся, не остановился, все шел навстречу красной заре, поднявшейся над краем вспаханной им земли. А холодный ветер бил в лицо, выдувая из его одежды тепло, дух жилья.

Вавилов нечасто появляется в романе. Но – как и Канаев – он самоотвержен, честен и надежен. Разве что лишен канаевского задора. Это, впрочем, не вызывает ни у кого раздражения. Наоборот – Вавилова уважают и даже побаиваются. Однажды некий Усуров хвалится, как ловко он одурачил одну пожилую женщину. Обещал утеплить ей избу к зиме, взял в качестве задатка шаль, ушел – и не вернулся.

К случаю этому отнеслись неодобрительно, и когда Усуров смеялся, показывая шаль, все хмурились и молчали. Тогда Вавилов подошел к Усурову и сказал негромко, голосом, который сразу заставляет при молкнуть и оглянуться каждого, кто слышит такой голос:

– Отдай, сволочь, женщине ее вещь⁸.

⁸ Гроссман В. За правое дело // Новый мир. 1952. № 8. С. 127.

Требование было исполнено. После этого Усуров извинился перед сослуживцами.

В последней, третьей, части романа описано сражение роты Вавилова за сталинградский вокзал. Все понимают, что бой будет страшным. Особенно тревожится Усуров. «Ты не томишься, Усуров, – сказал Вавилов, – не такие, как мы, умирали. Дома побывать хоть минуточку... А там что, там сон...»⁹.

Смерть Вавилова описана почти мистически. Он будто не умирает, а растворяется в воздухе:

Но никто не видел из прибрежных зданий, как на вокзале над темной ямой поднялся освещенный косым солнечным светом пожилой человек с запавшими щеками, поросшими черной щетиной, занес гранату, оглянулся открытым, внимательным взором.

Автоматы жадно, перебивая друг друга, застрочили по нему, а он все стоял в светло-желтом пыльном облаке, и когда не стало его видно, казалось, он не рухнул мертвым кровавым комом, а растворился в пыльной, молочно-желтой, клубящейся и светящейся в лучах утреннего солнца туманности.

С отважными летчиками мы встречаемся в романе «Жизнь и судьба», написанном в 1950-х гг. и опубликованном в СССР уже после смерти автора. Сильные и храбрые, они очень похожи на своих героических «предшественников». Одного из них даже зовут так же – Король. Но в них есть и то, чего лишены семеро отважных – фронтовое чувство юмора. И еще – они не богатыри. Они простые советские парни, которых война оторвала от родных и друзей. Они выпивают, матерятся, с интересом посматривают в сторону медсестер, шутят о возможной смерти и постоянно подтрунивают над Королем – конечно, из-за его национальности¹⁰.

В репортаже Гроссмана не было одного героя, это акцентировалось и заглавием – «Семеро отважных». В романе же выделяется сюжетная линия лейтенанта Викторова. Он был ранен и в сталинградском госпитале влюбился в медсестру по имени Вера. Они были близки. Прошло уже несколько недель, но молодой лейтенант постоянно думает о ней, мысленно с ней разговаривает. Вера тоже помнит раненого летчика. Случившееся однажды ночью – для нее не случайность. К тому же она вскоре понимает, что беременна.

⁹ Здесь и далее цит.: *Гроссман В.С.* За правое дело // Там же. № 10. С. 181–182.

¹⁰ См.: *Гроссман В.С.* Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1989. С. 121–130.

Уже после победы под Сталинградом она рождает сына. Но он со своим отцом никогда не встретится:

– А летчики, товарищ командующий, таким образом: лейтенант Король над расположением тридцать восьмой гвардейской упал, а командира звена, старшего лейтенанта Викторова, «мессеры» подожгли над немецким аэродромом, не дотянул до линии фронта, упал на высоте, как раз на нейтральной зоне. Пехота видела, пробовала подойти к нему, но немец не дал.

<...>

Всю ночь лежал мертвый летчик на снежном холме – был большой мороз, и звезды светили очень ярко. А на рассвете холм стал совершенно розовый, и летчик лежал на розовом холме. Потом подула поземка, и тело стало заносить снегом¹¹.

* * *

Оба репортажа 1942 г. – история победы сил добра над силами зла. Простой русский человек, Иван Канаев, оберегает родную землю. Он не ведает страха и не знает усталости. Он всегда поможет товарищу – и врага будет бить до последнего. Мы знаем, что таких, как Канаев, много, и они обязательно дойдут до Берлина.

Рассказ о Канаеве достигает еще одной идеологической цели. Участие в войне представлено здесь не только как необходимость, но и как бесценный источник опыта. Канаев не только теряет – он многое и находит. Гроссман будто пытается смягчить болезненное чувство досады, переданное в хрестоматийно известном стихотворении С.П. Гудзенко «Мое поколение» (1945)¹². Время на фронте, настаивает публицист Гроссман, – это время обретения новых друзей и проверки характера. Это другая школа жизни. Нет больше потерянного поколения – есть поколение героев.

Иной образ создан в репортаже «Семеро отважных». Если Канаев – человек из народа, то летчики – профессионалы военного дела. Более того, они – богатыри, их образ соотносится с фольклорным контекстом. С Канаевым их роднит разве что предназначение – они защищают отечество. Он оберегает родную землю, а они – родное небо.

В послевоенных художественных произведениях Гроссман отказался от образа непобедимого советского воина. Петр Вавилов появляется уже в первой редакции романа «За правое дело», закон-

¹¹ См.: Гроссман В.С. Жизнь и судьба. С. 461.

¹² См.: Гудзенко С.П. Мое поколение // Гудзенко С.П. Избранное. Стихотворения и поэмы. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1977. С. 110–111.

ченной к 1949 г. И в первой же редакции он умирает. Погибают и отважные летчики. Гроссман слишком хорошо знал, что война с нацистской Германией – это в первую очередь трагедия советского народа. Однако в 1941–1945 гг. даже эту правду надлежало высказывать оптимистически, поскольку целью военной публицистики было воодушевление читателя, внушение уверенности в грядущей победе. После окончания войны публицистические установки начали меняться. Время торжественных репортажей прошло. А правда о прошлом осталась. Канаев мог не вернуться домой. Лейтенанта Короля могли не спасти.

Литература

- Бирючин 2016 – *Бирючин С.В.* Художественная функция документа в дилогии В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба»: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МПГУ, 2016.
- Бочаров 1970 – *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман: Критико-библиографический очерк. М.: Советский писатель, 1970. 378 с.
- Бочаров 1990 – *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. М.: Советский писатель, 1990. 402 с.
- Елина 1994 – *Елина Н.Г.* Василий Гроссман. Иерусалим: [Б. и.], 1994. 252 с.
- Anissimov 2012 – *Anissimov M.* Vassili Grossman: Un écrivain de combat. Paris: Éd. du Seuil, 2012 cop.
- Beevor 2006 – *Beevor A.* Writer at War: Vasily Grossman with the Red Army 1941–1945 / Ed. and transl. by A. Beevor and L. Vinogradova. London: Pimlico, 2006.
- Ellis 1994 – *Ellis F.* Vasilii Grossman: The Genesis and Evolution of a Russian Heretic. Oxford: Berg Publishers, 1994.
- Garrard, Garrard 1996 – *Garrard J., Garrard C.* The bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman. N.Y.: The Free Press, 1996.
- Popoff 2019 – *Popoff A.* Vasily Grossman and the Soviet Century. New Haven; London: Yale University Press, cop. 2019.

References

- Anissimov, M. (2012), *Vassili Grossman: Un écrivain de combat* [Vasily Grossman. A writer of war], Éd. du Seuil cop, Paris, France.
- Beevor, A. (2006), *A writer at war, Vasily Grossman with the Red Army 1941–1945*, Ed. and transl. by A. Beevor and L. Vinogradova, Pimlico, London, UK.
- Biryuchin, S.V. (2016), *Khudozhestvennaya funktsiya dokumenta v dialogii V.S. Grossmana* “Zhizn’ i Sud’ba [The artistic function of a document in V. Grossman’s diology “Life and Fate”], Ph.D. Thesis, MPGU, Moscow, Russia.
- Bocharov, A.G. (1970), *Vasily Grossman. Kritiko-bibliograficheskii ocherk* [Vassily Grossman. Essays on his life and work], Sovetskii pisatel’, Moscow, USSR.

- Bocharov, A.G. (1990), *Vasily Grossman: Zhizn', tvorchestvo, sud'ba* [Vassily Grossman. Life, legacy, fate], Sovetskii pisatel', Moscow, USSR.
- Elina, N.G. (1994), *Vasily Grossman*, Jerusalem, Israel.
- Ellis, F. (1994), *Vasiliy Grossman. The Genesis and Evolution of a Russian Heretic*, Berg Publishers, Oxford, UK.
- Garrard, J. and Garrard, C. (1996), *The bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman*, The Free Press, N.Y., USA.
- Popoff, A. (2019), *Vasily Grossman and the Soviet Century*, Yale University Press, cop, New Haven, London, UK.

Информация об авторе

Юрий Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1; bityunan@gmail.com

Information about the author

Yurii G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 82, Vernadskii Avenue, Moscow, Russia, 119571; bityunan@gmail.com